Дождливый рассвет (Константин Паустовский)

С Наволоки пароход пришел ночью. Майор Кузьмин вышел на палубу. Моросил дождь. На пристани было пусто, – горел только один фонарь.

Где же город? – подумал Кузьмин. – Тьма, дождь, – черт знает что!»

Он поежился, застегнул шинель. С реки задувал холодный ветер. Кузьмин разыскал помощника капитана, спросил, долго ли пароход простоит в Наволоках.

– Часа три, – ответил помощник. – Смотря по погрузке. А вам зачем? Вы же едете дальше.

– Письмо надо передать. От соседа по госпиталю. Его жене. Она здесь, в Наволоках.

– Да, задача! – вздохнул помощник. – Хоть глаз выколи! Гудки слушайте, а то останетесь.

Кузьмин вышел на пристань, поднялся по скользкой лестнице на крутой берег. Было слышно, как шуршит в кустах дождь. Кузьмин постоял, чтобы глаза привыкли к темноте, увидел понурую лошадь, кривую извозчичью пролетку. Верх пролетки был поднят. Из-под него слышался храп.

– Эй, приятель, – громко сказал Кузьмин, – царство божие проспишь! Извозчик заворочался, вылез, высморкался, вытер нос полой армяка и только тогда спросил:

– Поедем, что ли?

– Поедем, – согласился Кузьмин.

– А куда везти? Кузьмин назвал улицу.

– Далеко, – забеспокоился извозчик. – На горе. Не меньше как на четвертинку взять надо.

Он задергал вожжами, зачмокал. Пролетка нехотя тронулась.

– Ты что же, единственный в Наволоках извозчик? – спросил Кузьмин.

– Двое нас, стариков. Остальные сражаются. А вы к кому?

– К Башиловой.

– Знаю, – извозчик живо обернулся. – К Ольге Андреевне, доктора Андрея Петровича дочке. Прошлой зимой из Москвы приехала, поселилась в отцовском доме. Сам Андрей Петрович два года как помер, а дом ихний…

Пролетка качнулась, залязгала и вылезла из ухаба.

– Ты на дорогу смотри, – посоветовал Кузьмин. – Не оглядывайся.

– Дорога действительно… – пробормотал извозчик. – Тут днем ехать, конечно, сробеешь. А ночью ничего. Ночью ям не видно.

Извозчик замолчал. Кузьмин закурил, откинулся вглубь пролетки. По поднятому верху барабанил дождь. Далеко лаяли собаки. Пахло укропом, мокрыми заборами, речной сыростью. «Час ночи, не меньше», – подумал Кузьмин. Тотчас где-то на колокольне надтреснутый колокол действительно пробил один удар.

«Остаться бы здесь на весь отпуск, – подумал Кузьмин. – От одного воздуха все пройдет, все неприятности после ранения. Снять комнату в домишке с окнами в сад. В такую ночь открыть настежь окна, лечь, укрыться и слушать, как дождь стучит по лопухам».

– А вы не муж ихний? – спросил извозчик.

Кузьмин не ответил. Извозчик подумал, что военный не расслышал его вопроса, но второй раз спросить не решился. «Ясно, муж, – сообразил извозчик. – А люди болтают, что она мужа бросила еще до войны. Врут, надо полагать».

– Но, сатана! – крикнул он и хлестнул вожжой костлявую лошадь. – Нанялась тесто месить!

«Глупо, что пароход опоздал и пришел ночью, – подумал Кузьмин. – Почему Башилов – его сосед по палате, когда узнал, что Кузьмин будет проезжать мимо Наволок, попросил передать письмо жене непременно из рук в руки? Придется будить людей, бог знает, что еще могут подумать!»

Башилов был высокий насмешливый офицер. Говорил он охотно и много. Перед тем как сказать что-нибудь острое, он долго и беззвучно смеялся. До призыва в армию Башилов работал помощником режиссера в кино. Каждый вечер он подробно рассказывал соседям по палате о знаменитых фильмах. Раненые любили рассказы Башилова, ждали их и удивлялись его памяти. В своих оценках

людей, событий, книг Башилов был резок, очень упрям и высмеивал каждого, кто пытался ему возражать. Но высмеивал хитро – намеками, шутками, – и высмеянный обыкновенно только через час-два спохватывался, соображал, что Башилов его обидел, и придумывал ядовитый ответ. Но отвечать, конечно, было уже поздно.

За день до отъезда Кузьмина Башилов передал ему письмо для своей жены, и впервые на лице у Башилова Кузьмин заметил растерянную улыбку. А потом ночью Кузьмин слышал, как Башилов ворочался на койке и сморкался. «Может быть, он и не такой уж сухарь, – подумал Кузьмин. – Вот, кажется, плачет. Значит любит. И любит сильно».

Весь следующий день Башилов не отходил от Кузьмина, поглядывал на него, подарил офицерскую флягу, а перед самым отъездом они выпили вдвоем бутылку припрятанного Башиловым вина.

– Что вы на меня так смотрите? – спросил Кузьмин.

– Хороший вы человек, – ответил Башилов. – Вы могли бы быть художником, дорогой майор.

– Я топограф, – ответил Кузьмин. – А топографы по натуре – те же художники.

– Почему?

– Бродяги, – неопределенно ответил Кузьмин.

– «Изгнанники, бродяги и поэты, – насмешливо продекламировал Башилов, – кто жаждал быть, но стать ничем не смог».

– Это из кого?

– Из Волошина. Но не в этом дело. Я смотрю на вас потому, что завидую. Вот и все.

– Чему завидуете?

Башилов повертел стакан, откинулся на спинку стула и усмехнулся. Сидели они в конце госпитального коридора у плетеного столика. За окном ветер гнул молодые деревья, шумел листьями, нес пыль. Из-за реки шла на город дождевая туча.

– Чему завидую? – переспросил Башилов и положил свою красную руку на руку Кузьмина. – Всему. Даже вашей руке.

– Ничего не понимаю, – сказал Кузьмин и осторожно убрал свою руку.

Прикосновение холодной руки Башилова было ему неприятно. Но чтобы Башилов этого не заметил, Кузьмин взял бутылку и начал нализать вино.

– Ну, и не понимайте! – ответил Башилов сердито. Он помолчал и заговорил, опустив глаза: – Если бы мы могли поменяться местами! Но в общем все это чепуха! Через два дня вы будете в Наволоках. Увидите Ольгу Андреевну. Она пожмет вам руку. Вот я и завидую. Теперь-то вы понимаете?

– Ну, что вы! – сказал, растерявшись, Кузьмин, – Вы тоже увидите вашу жену.

– Она мне не жена! – резко ответил Башилов. – Хорошо еще, что вы не сказали «супруга».

– Ну, извините, – пробормотал Кузьмин.

– Она мне не жена! – так же резко повторил Башилов. – Она – все! Вся моя жизнь. Ну, довольно об этом!

Он встал и протянул Кузьмину руку:

– Прощайте. А на меня не сердитесь. Я не хуже других.

Пролетка въехала на дамбу. Темнота стала гуще. В старых ветлах сонно шумел, стекал с листьев дождь. Лошадь застучала копытами по настилу моста.

«Далеко все-таки!» – вздохнул Кузьмин и сказал извозчику:

– Ты меня подожди около дома. Отвезешь обратно на пристань…

– Это можно, – тотчас согласился извозчик и подумал: «Нет, видать, не муж. Муж бы наверняка остался на день-другой. Видать, посторонний».

Началась булыжная мостовая. Пролетка затряслась, задребезжала железными подножками. Извозчик свернул на обочину. Колеса мягко покатились по сырому песку. Кузьмин снова задумался.

Вот Башилов позавидовал ему. Конечно, никакой зависти не было. Просто Башилов сказал не то слово. После разговора с Башиловым у окна в госпитале, наоборот, Кузьмин начал завидовать Башилову. «Опять не то слово?» – с досадой сказал про себя Кузьмин. Он не завидовал. Он просто жалел. О том, что вот ему сорок лет, но не было у него еще такой любви, как у Башилова. Всегда он был один.

«Ночь, дождь шумит по пустым садам, чужой городок, с лугов несет туманом, – так и жизнь пройдет», – почему-то подумал Кузьмин.

Снова ему захотелось остаться здесь. Он любил русские городки, где с крылечек видны заречные луга, широкие взвозы, телеги с сеном на паромах. Эта любовь удивляла его самого. Вырос он на юге, в морской семье. От отца осталось у него пристрастие к изысканиям, географическим картам, скитальчеству. Поэтому он и стал топографом. Профессию эту Кузьмин считал все же случайной и думал, что если бы родился в другое время, то был бы охотником, открывателем новых земель. Ему нравилось так думать о себе, но он ошибался. В характере у него не было ничего, что свойственно таким людям. Кузьмин был застенчив, мягок с окружающими. Легкая седина выдавала его возраст. Но, глядя на этого худенького, невысокого офицера, никто бы не дал ему больше тридцати лет.

Пролетка въехала, наконец, в темный городок. Только в одном доме, должке быть в аптеке, горела за стеклянной дверью синяя лампочка. Улица пошла в гору. Извозчик слез с козел, чтобы лошади было легче. Кузьмин тоже слез. Он шел, немного отстав, за пролеткой и вдруг почувствовал всю странность своей жизни. «Где я? – подумал он. – Какие-то Наволоки, глушь, лошадь высекает искры подковами. Где-то рядом – неизвестная женщина. Ей надо, передать ночью важное и, должно быть, невеселое письмо. А два месяца назад были фронт, Польша, широкая тихая Висла. Странно как-то! И хорошо».

Гора окончилась. Извозчик свернул в боковую улицу. Тучи кое-где разошлись, и в черноте над головой то тут, то там зажигалась звезда. Поблестев в лужах, она гасла.

Пролетка остановилась около дома с мезонином.

– Приехали! – сказал извозчик. – Звонок у калитки, с правого боку. Кузьмин ощупью нашел деревянную ручку звонка и потянул ее, но

никакого звонка не услышал – только завизжала ржавая проволока.

– Шибче тяните! – посоветовал извозчик.

Кузьмин снова дернул за ручку. В глубине дома заболтал колокольчик. Но в доме было по-прежнему тихо, – никто, очевидно, не проснулся.

– Ох-хо-хо! – зевнул извозчик. – Ночь дождливая – самый крепкий сон.

Кузьмин подождал, позвонил сильнее. На деревянной галерейке послышались шаги. Кто-то подошел к двери, остановился, послушал, потом недовольно спросил:

– Кто такие? Чего надо?

Кузьмин хотел ответить, но извозчик его опередил.

– Отворяй, Марфа, – сказал он. – К Ольге Андреевне приехали. С фронта.

– Кто с фронта? – так же неласково спросил за дверью голос. – Мы никого не ждем.

– Не ждете, а дождались!

Дверь приоткрылась на цепочке. Кузьмин сказал в темноту, кто он и зачем приехал.

– Батюшки! – испуганно сказала женщина за дверью. – Беспокойство вам какое! Сейчас отомкну. Ольга Андреевна спит. Вы зайдите, я ее разбужу.

Дверь отворилась, и Кузьмин вошел в темную галерейку.

– ‘ Тут ступеньки, – предупредила женщина уже другим, ласковым голосом. – Ночь-то какая, а вы приехали! Обождите, не ушибитесь. Я сейчас лампу засвечу, – у нас по ночам огня нету.

Она ушла, а Кузьмин остался на галерейке. Из комнат тянуло запахом чая и еще каким-то слабым и приятным запахом. На галерейку вышел кот, потерся о ноги Кузьмина, промурлыкал и ушел обратно в ночные комнаты, как бы приглашая Кузьмина за собой.

За приоткрытой дверью задрожал слабый свет.

– Пожалуйте, – сказала женщина.

Кузьмин вошел. Женщина поклонилась ему. Это была высокая старуха с темным лицом. Кузьмин, стараясь не шуметь, снял шинель, фуражку, повесил на вешалку около двери.

– Да вы не беспокойтесь, все равно Ольгу Андреевну будить придется, – улыбнулась старуха.

– Гудки с пристани здесь слышно? – вполголоса спросил Кузьмин.

– Слышно, батюшка. Хорошо слышно. Неужто с парохода да на пароход! Вот тут садитесь, на диван.

Старуха ушла. Кузьмин сел на диван с деревянной спинкой, поколебался, достал папиросу, закурил. Он волновался, и непонятное это волнение его

сердило. Им овладело то чувство, какое всегда бывает, когда попадаешь ночью в незнакомый дом, в чужую жизнь, полную тайн и догадок. Эта жизнь лежит как книга, забытая на столе на какой-нибудь шестьдесят пятой странице. Заглядываешь на эту страницу и стараешься угадать: о чем написана книга, что в ней?

На столе действительно лежала раскрытая книга. Кузьмин встал, наклонился над ней и, прислушиваясь к торопливому шепоту за дверью и шелесту платья, прочел про себя давно забытые слова:
И невозможное возможно,
Дорога дальняя легка,
Когда блеснет в дали дорожной
Мгновенным взор из-под платка…

Кузьмин поднял голову, осмотрелся. Низкая теплая комната опять вызвала у него желание остаться в этом городке.

Есть особенный простодушный уют в таких комнатах с висячей лампой над обеденным столом, с ее белым матовым абажуром, с оленьими рогами над картиной, изображающей собаку около постели больной девочки. Такие комнаты вызывают улыбку – так все старомодно, давно по забито.

Все вокруг, даже пепельница из розовой раковины, говорило о мирной и долгой жизни, и Кузьмин снова подумал о том, как хорошо было бы остаться здесь и жить так, как жили обитатели старого дома – неторопливо, в чередовании труда и отдыха, зим, весен, дождливых и солнечных дней.

Но среди старых вещей в комнате были и другие. На столе стоял букет полевых цветов – ромашки, медуницы, дикой рябинки. Букет был собран, должно быть, недавно. На скатерти лежали ножницы и отрезанные ими лишние стебли цветов.

И рядом – раскрытая книга Блока «Дорога дальняя легка». И черная маленькая женская шляпа на рояле, на синем плюшевом альбоме для фотографий. Совсем не старинная, а очень современная шляпа. И небрежно брошенные на столе часики в никелевом браслете. Они шли бесшумно и показывали половину второго. И всегда немного печальный, особенно в такую позднюю ночь, запах духов.

Одна створка окна была открыта. За ней, за вазонами с бегонией, поблескивал от неяркого света, падавшего из окна, мокрый куст сирени. В темноте перешептывался слабый дождь. В жестяном желобе торопливо стучали тяжелые капли.

Кузьмин прислушался к стуку капель. Веками мучившая людей мысль о

необратимости каждой минуты пришла ему в голову именно сейчас, ночью, в незнакомом доме, откуда через несколько минут он уйдет и куда никогда не вернется.

«Старость это, что ли?» – подумал Кузьмин и обернулся.

На пороге комнаты стояла молодая женщина в черном платье. Очевидно, она торопилась выйти к нему и плохо причесалась. Одна коса упала ей на плечо, и женщина, не спуская глаз с Кузьмина и смущенно улыбаясь, подняла ее и приколола шпилькой к волосам на затылке. Кузьмин поклонился.

– Извините, – сказала женщина и протянула Кузьмину руку. – Я вас заставила ждать.

– Вы Ольга Андреевна Башилова?

– Да.

Кузьмин смотрел на женщину. Его удивили се молодость и блеск глаз – глубокий и немного туманный.

Кузьмин извинился за беспокойство, достал из кармана кителя письмо Башилова, подал женщине. Она взяла письмо, поблагодарила и, не читая, положила его на рояль.

– Что же мы стоим! – сказала она. – Садитесь! Вот сюда, к столу. Здесь светлее.

Кузьмин сел к столу, попросил разрешения закурить.

– Курите, конечно, – сказала женщина. – Я тоже, пожалуй, закурю. Кузьмин предложил ей папиросу, зажег спичку. Когда она закурила,

на лицо ее упал свет спички, и сосредоточенное это лицо с чистым лбом показалось Кузьмину знакомым.

Ольга Андреевна села против Кузьмина. Он ждал расспросов, но она молчала и смотрела за окно, где все так же однотонно шумел дождь.

– Марфуша, – сказала Ольга Андреевна и обернулась к двери. – Поставь, милая, самовар.

– Нет, что вы! – испугался Кузьмин. – Я тороплюсь. Извозчик ждет на улице. Я должен был только передать вам письмо и рассказать кое-что… о вашем муже.

– Что рассказывать! – ответила Ольга Андреевна, вытащила из букета цветок ромашки и начала безжалостно обрывать на нем лепестки. – Он жив – и я рада.

Кузьмин молчал.

– Не торопитесь, – просто, как старому другу, сказала Ольга Андреевна. – Гудки мы услышим. Пароход отойдет, конечно, не раньше рассвета.

– Почему?

– А у нас, батюшка, пониже Наволок, – сказала из соседней комнаты Марфа, – перекат большой на реке. Его ночью проходить опасно. Вот капитаны и ждут до света.

– Это правда, – подтвердила Ольга Андреевна. – Пешком до пристани всего четверть часа. Если идти через городской сад. Я вас провожу. А извозчика вы отпустите. Кто вас привез? Василий?

– Вот этого я не знаю, – улыбнулся Кузьмин.

– Тимофей их привез, – сообщила из-за двери Марфа. Было слышно, как она гремит самоварной трубой. – Хоть чайку попейте. А то что же – из дождя да под дождь.

Кузьмин согласился, вышел к воротам, расплатился с извозчиком. Извозчик долго не уезжал, топтался около лошади, поправлял шлею.

Когда Кузьмин вернулся, стол уже был накрыт. Стояли синие старые чашки с золотыми ободками, кувшин с топленым молоком, мед, начатая бутылка вина. Марфа несла самовар.

Ольга Андреевна извинилась за скудное угощение, рассказала, что собирается обратно в Москву, а сейчас пока что работает в Наволоках, в городской библиотеке. Кузьмин все ждал, что она, наконец, спросит о Башилове, но она не спрашивала. Кузьмин испытывал от этого все большее смущение. Он догадывался еще в госпитале, что у Башилова разлад с женой. Но сейчас, после того как она, не читая, отложила письмо на рояль, он совершенно убедился в этом, и ему уже казалось, что он не выполнил своего долга перед Башиловым и очень в этом виноват. «Очевидно, она прочтет письмо позже», – подумал он. Одно было ясно: письмо, которому Башилов придавал такое значение и ради которого Кузьмин появился в неурочный час в этом доме, уже не нужно здесь и неинтересно. В конце концов Башилову Кузьмин не помог и только поставил себя в неловкое положение. Ольга Андреевна как будто догадалась об этом и сказала:

– Вы не сердитесь. Есть почта, есть телеграф, – я не знаю, зачем ему понадобилось вас затруднять.

– Какое же затруднение! – поспешно ответил Кузьмин и добавил, помолчав: – Наоборот, это очень хорошо.

– Что хорошо?

Кузьмин покраснел.

– Что хорошо? – громче переспросила Ольга Андреевна и подняла на Кузьмина глаза. Она смотрела на него, как бы стараясь догадаться, о чем он думает, – строго, подавшись вперед, ожидая ответа. Но Кузьмин молчал.

– Но все же, что хорошо? – опять спросила она.

– Как вам сказать, – ответил, раздумывая, Кузьмин. – Это особый разговор. Все, что мы любим, редко с нами случается. Не знаю, как у других, но я сужу по себе. Все хорошее почти всегда проходит мимо. Вы понимаете?

– Не очень, – ответила Ольга Андреевна и нахмурилась.

– Как бы вам объяснить, – сказал Кузьмин, сердясь на себя. – С вами тоже так, наверное, бывало. Из окна вагона вы вдруг увидите поляну в березовом лесу, увидите, как осенняя паутина заблестит на солнце, и вам захочется выскочить на ходу из поезда и остаться на этой поляне. Но поезд проходит мимо. Вы высовываетесь из окна и смотрите назад, куда уносятся все эти рощи, луга, лошаденки, проселочные дороги, и слышите неясный звон. Что звенит – непонятно. Может быть, лес или воздух. Или гудят телеграфные провода. А

может быть, рельсы звенят от хода поезда. Мелькнет вот так, на мгновение, а помнишь об этом всю жизнь.

Кузьмин замолчал. Ольга Андреевна пододвинула ему стакан о вином.

– Я в жизни, – сказал Кузьмин и покраснел, как всегда краснел, когда ему случалось говорить о себе, – всегда ждал вот таких неожиданных и простых вещей. И если находил их, то бывал счастлив. Ненадолго, но бывал.

– И сейчас тоже? – спросила Ольга Андреевна.

– Да!

Ольга Андреевна опустила глаза.

– Почему? – спросила она.

– Не знаю точно. Такое у меня ощущение. Я был ранен на Висле, лежал в госпитале. Все получали письма, а я не получал. Просто мне не от кого было их получать. Лежал, выдумывал, конечно, как все выдумывают, свое будущее после войны. Обязательно счастливое и необыкновенное. Потом вылечился, и меня решили отправить на отдых. Назначили город.

– Какой? – спросила Ольга Андреевна.

Кузьмин назвал город. Ольга Андреевна ничего не ответила.

– Сел на пароход, – продолжал Кузьмин. – Деревни на берегах, пристани. И очертевшее сознание одиночества. Ради бога, не подумайте, что я жалуюсь. В одиночестве тоже много хорошего. Потом Наволоки. Я боялся их проспать. Вышел на палубу глухой ночью и подумал: как странно, что в этой огромной, закрывшей всю Россию темноте, под дождливым небом спокойно спят тысячи разных людей. Потом я ехал сюда на извозчике и все гадал, кого я встречу.

– Чем же вы все-таки счастливы? – спросила Ольга Андреевна.

– Так… – спохватился Кузьмин. – Вообще хорошо.

Он замолчал.

– Что же вы? Говорите!

– О чем? Я и так разболтался, наговорил лишнего.

– Обо всем, – ответила Ольга Андреевна. Она как будто не расслышала его последних слов. – О чем хотите, – добавила она. – Хотя все это in много странно.

Она встала, подошла к окну, отодвинула занавеску. Дождь не стихал.

– Что странно? – спросил Кузьмин.

– Все дождь! – сказала Ольга Андреевна и обернулась. – Такая вот встреча. И весь этот наш ночной разговор, – разве это не странно?

Кузьмин смущенно молчал.

В сыром мраке за окном, где-то под горой, загудел пароход.

– Ну, что ж, – как будто с облегчением сказала Ольга Андреевна. – Вот и гудок!

Кузьмин встал. Ольга Андреевна не двигалась.

– Погодите, – сказала она спокойно. – Давайте сядем перед дорогой. Как в старину.

Кузьмин снова сел. Ольга Андреевна тоже села, задумалась, даже отвернулась от Кузьмина. Кузьмин, глядя на ее высокие плечи, на тяжелые косы, заколотые узлом на затылке, на чистый изгиб шеи, подумал, что если бы не Башилов, то он никуда бы не уехал из этого городка, остался бы здесь до конца отпуска и жил бы, волнуясь и зная, что рядом живет эта милая и очень грустная сейчас женщина.

Ольга Андреевна встала. В маленькой прихожей Кузьмин помог ей, надеть плащ. Она накинула на голову платок.

Они вышли, молча пошли по темной улице.

– Скоро рассвет, – сказала Ольга Андреевна.

Над заречной стороной синело водянистое небо. Кузьмин заметил, что Ольга Андреевна вздрогнула.

– Вам холодно? – встревожился он. – Зря вы пошли меня провожать. Я бы и сам нашел дорогу.

– Нет, не зря, – коротко ответила Ольга Андреевна.

Дождь прошел, но с крыш еще падали капли, постукивали по дощатому тротуару.

В конце улицы тянулся городской сад. Калитка была открыта. За ней сразу начинались густые, запущенные аллеи. В саду пахло ночным холодом, сырым песком. Это был старый сад, черный от высоких лип. Липы уже отцветали и слабо пахли. Один только раз ветер прошел по саду, и весь он зашумел, будто над ним пролился и тотчас стих крупный и сильный ливень.

В конце сада был обрыв над рекой, а за обрывом – предрассветные дождливые дали, тусклые огни бакенов внизу, туман, вся грусть летнего ненастья.

– Как же мы спустимся? – спросил Кузьмин.

– Идите сюда!

Ольга Андреевна свернула по тропинке прямо к обрыву и подошла к деревянной лестнице, уходившей вниз, в темноту.

– Дайте руку! – сказала Ольга Андреевна. – Здесь много гнилых ступенек.

Кузьмин подал ей руку, и они осторожно начали спускаться. Между ступенек росла мокрая от дождя трава.

На последней площадке лестницы они остановились. Были уже видны пристань, зеленые и красные огни парохода. Свистел пар. Сердце у Кузьмина сжалось от сознания, что сейчас он расстанется с этой незнакомой и такой близкой ему женщиной и ничего ей не скажет – ничего! Даже не поблагодарит за то, что она встретилась ему на пути, подала маленькую крепкую руку в сырой перчатке, осторожно свела его по ветхой лестнице, и каждый раз, когда над перилами свешивалась мокрая ветка и могла задеть его по лицу, она тихо говорила: «Нагните голову!» И Кузьмин покорно наклонял голову.

– Попрощаемся здесь, – сказала Ольга Андреевна. – Дальше я не пойду.

Кузьмин взглянул на нее. Из-под платка смотрели на него тревожные, строгие глаза. Неужели вот сейчас, сию минуту, все уйдет в прошлое и станет одним из томительных воспоминаний и в ее и в его жизни?

Ольга Андреевна протянула Кузьмину руку. Кузьмин поцеловал ее и почувствовал тот же слабый запах духов, что впервые услышал в темной комнате под шорох дождя.

Когда он поднял голову, Ольга Андреевна что-то сказала, но так тихо, что Кузьмин не расслышал. Ему показалось, что она сказала одно только слово: «Напрасно…» Может быть, она сказала еще что-нибудь, но с реки сердито закричал пароход, жалуясь на промозглый рассвет, на свою бродячую жизнь в

дождях, в туманах.

Кузьмин сбежал, не оглядываясь, на берег, прошел через пахнущую рогожами и дегтем пристань, вошел на пароход и тотчас же поднялся на пустую палубу. Пароход уже отваливал, медленно работая колесами.

Кузьмин прошел на корму, посмотрел на обрыв, на лестницу – Ольга Андреевна была еще там. Чуть светало, и ее трудно было разглядеть. Кузьмин поднял руку, но Ольга Андреевна не ответила.

Пароход уходил все дальше, гнал на песчаные берега длинные волны, качал бакены, и прибрежные кусты лозняка отвечали торопливым шумом на удары пароходных колес.